

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
ЛЕНИНГРАД

18 НОЯ 1961 . . . . .

г. Ленинград

Газета № . . .

5
«НА ЗДРАВЬ!»

Вчера во Дворце культуры имени С. М. Кирова спектаклем «Рококо-коктейль» представился ленинградским зрителям пражский театр комедии и эстрады «Рококо». Впрочем, сюжетную комедию как таковую труппа оставила дома. Мы не увидим ни веселого детектива И. Супа «Банальное убийство», ни романтической сатиры «Баллада из лохмотьев» И. Восковца и Я. Вериха — основателей и актеров легендарного Освобожденного театра. Еще до войны, возобновив после вынужденной паузы свою деятельность в помещении сегодняшнего театра «Рококо», эти острове на язык клоуны ответили на травлю душителей вольной песни постановкой антифашистской комедии собственного сочинения «Баллада из лохмотьев», повествующей о превратной судьбе французского поэта-вольнодумца Ф. Вийона. В тридцатую годовщину этой нашумевшей в свое время премьеры «Балладу» возобновили нынешние хозяева зала «Рококо», не раз подчеркивавшие свое родство с бывшим театром Восковца и Вериха.

«Рококо» стал своего рода лабораторией комедийно-музыкального жанра. Здесь находили приют популярные кабаре К. Гашлера и И. Червеного, здесь начинали свой актерский путь комики В. Буриан и Ф. Футурист. В 1956 году два комика Д. Востршел и И. Шашек вместе со своими единомышленниками вернули «Рококо» его театральное достоинство. Сейчас это — один из наиболее посещаемых «малых театров». За плечами у него несколько заграничных турне, впереди — Москва, а затем, вероятно, Лондон.

«Рококо-коктейль» — программа, привезенная в Ленинград, — состоит из скетчей и песен, которые исполняются в сопровождении оркестра биг-бит: три электрогитары, электроорган, рояль, ударные. Плюс два солиста на саксофонах. От традиционного свингового джаза биг-битовая музыка отличается более прочерченными и жесткими ритмическим рисунком, поэтому, если свинговый ударник — «король джаза», то ударник биг-битовый — поистине бог своего ансамбля. В оркестре Ф. Копала из «Рококо» в должности такого вседеятеля состоит неутомимый М. Воблаза. Он восседает на возвышении посреди пустой эстрады и с видом, оправдывающим выведенное на барабане название оркестра «Мефисто», мечет в зал грома своей огненно-красной батареек. Мигая зелеными глазками усилителей, ансамбль гремит, рокочет во всю мощь своих электрических легких, и порою певцам с ним трудно

НА СЦЕНЕ — ГОСТИ

ют к помощи микрофонов. А ведь певцы в «Рококо» — отнюдь не «шептунь». У Кубишовой низкое контраalto. Простодушен и солнечен самый юный член труппы — певец Вацлав Нецкарж.

Вокальные номера чередуются с разговорными интермедиями. Комичен скетч под названием «Программа для мистера М.». К сожалению, многим интермедиям вредят неудачный русский перевод, избалующий вульгаризмами, и не всегда точно расставленные смысловые акценты. Разговорные номера подчас превращаются в затяжные паузы между песнями. Положение не спасает даже опыт одаренных комедийных актеров Востршелла, Шашека, Бедрны, Врзалы и других. Гораздо удачнее получилась интермедия, участники которой не произносят ни слова.

Но весь этот баланс удач и просчетов теряет свое значение, когда в финале второго отделения под громовые аплодисменты всего зала из синей мглы на эстраде возникает Вальдемар Матушка.

— За-а-а-а... — амфитеатр до краев наполняется его зовом, его неистовым баритоном. Это человек очутился лицом к лицу со стихией, с морем, он готов помериться с ним силой, он заклинает дождь пролиться на его гладь, и море вскипает. Но сыну земли отрадны эти бурлящие валы, этот ветер и бризги.

Матушка начал петь с восемнадцати лет. Сейчас ему тридцать четыре. Он играет на многих инструментах, он — незаурядный драматический актер, но только пение принесло ему европейскую известность.

Глубокие поэтичные строки Фишера, положенные на музыку Мареша, на чешские, американские народные мелодии, уводят певца в мир неподдельных чувств, большой любви и большой ненависти. В отличие от некоторых своих коллег В. Матушка скуп в жесте, внешне он собран и строг, но душа его — нараспапку, и сердце обнажено. «Я хотел бы быть колоколом, молнией, травой, хотел бы звучать и петь, петь для хороших людей» — это о нем и для него написал Фишер на безымянную американскую мелодию.

Вкус «Рококо-коктейля» для нас не совсем привычен, но надо «все попробовать», как призывают в своем заключительном диалоге Востршел и Шашек, добавляя понятное любому славянину чешское «На здравь!»